

— С 20-го по 25-е сентября был в командировке, первой после отпуска, в Москве и Ленинграде.

— В Москве - в ИЗМИРАНе на секции прошёл предзащиту Юра Саенко к большой радости Раисы Афанасьевны Зевакиной, отчаявшейся уже дожидаться, когда Саенко представит диссертацию. В своё время, году в семьдесят шестом-седьмом Саенко просил её быть научным руководителем в паре со мной. Зевакина согласилась и с тех пор считала себя ответственной за его защиту. Но со временем Юра совсем отошёл от тех научных проблем, которые связывали его с Раисой Афанасьевной, в который раз уже сменил своё научное направление и полностью переключился на моделирование, отбросив и попытки включить в диссертацию то, чем занимался раньше.

— Поняв ситуацию, Раиса Афанасьевна отказалась от формального научного руководства, не считая возможным числиться научным руководителем работы, в которой сама никакого участия не принимала, но по-прежнему по-матерински заботливо к нам относилась и горячо болела за Юру. На предзащите она, конечно, выступила с высокой оценкой работы, но и так публика была очень благожелательно настроена, в основном, недоумевая: а что, Саенко всё ещё не защитился? Только на предзащиту вышел? Что же это он так? Давно пора.

— Из ИЗМИРАНа я поехал в Ленинград - получать свой докторский диплом. К тому же в это время там как раз должен был защищать свою докторскую диссертацию Жора Хазанов, и он просил меня, если будет такая возможность, приехать на защиту "для поддержки", на всякий случай.

— Жора занимался кинетикой фотоэлектронов, в которой я разбирался не настолько глубоко, чтобы оценить его работу в полной мере объективно и компетентно. Тем не менее общее положительное мнение о ней имел, поскольку давно знал Жору, читал или просматривал множество его статей (многие были мне понятны и интересны) и слушал почти все его выступления на семинарах и конференциях. За эти годы у меня сложилось довольно прочное представление о Жоре, как об активно работающем специалисте, доросшем уже до докторского уровня несмотря на свою молодость (Жора лет на пять моложе меня), и к защите им докторской диссертации я относился безусловно положительно, в духе заключительных советов Олега Пешеходова - автора статьи "О борьбе в науке" в журнале "Изобретатель и рационализатор", которую я уже цитировал выше.

— Но года за три до описываемого времени по кинетике фотоэлектронов защитил докторскую диссертацию Игорь Августович Кринберг, Жорин земляк, иркутянин, но не из университета, а из СибиИЗМИРа, человек безусловно очень толковый и сильный физик, года на три-четыре постарше меня. Так вот Кринберг и Жора сосуществовали все эти годы как кошка с собакой.

— Поначалу я (да и не только я) удивлялся тому, как они задают друг другу вопросы после выступления кого-либо из них где-нибудь за тридевять земель от Иркутска, на каком-нибудь семинаре или конференции - в Калининграде или в Ростове, скажем. Неужели они там у себя в Иркутске не могли выяснить друг у друга непонятные места, и стоило ли ради этого ехать к чёрту на рога и отнимать время у остальных слушателей? Потом догадался: всё дело в том, что вопросы эти всегда были "каверзные", то есть имели целью не выяснить что-то, а "уличить" автора в некорректности или, Бог знает, ещё в чём похуже...

— Суть их споров, думаю, редко кому кроме них самих была понятна и вряд ли касалась принципиальных моментов, ибо в конечном итоге результаты, к которым они приходили, мало отличались друг от друга. Кринберга, похоже, волновали больше всего вопросы приоритета. Оба выпустили по монографии, сначала Кринберг, потом Жора. Так или иначе, Кринберг свою докторскую благополучно защитил и, насколько мне известно,

никто ему, в том числе и Жора, никаких рогаток не ставил. Когда же пришла Жорина очередь защищаться, Кринберг воспротивился и повёл активную кампанию под лозунгом "Это - профанация науки!" А где не профанация, так то, мол, я, Кринберг, до Хазанова сделал и вообще всю проблему кинетики фотоэлектронов закрыл. Так что Жора трясся и ждал от Кринберга какой-нибудь гадости.

—- Ну, а на предзащите-то как он выступал? - спрашивал я Жору.

—- На предзащите его не было. Он думал, что я его персонально приглашу, но Валерий Михайлович (Поляков) отсоветовал: мол, придёт так придёт, а лучше бы без скандала.

—- Так он, может, и не знал даже про предзащиту? - допытывался я.

—- Ну да! Он же теперь у нас в университете работает, завкафедрой космофизики. Это из СиБИЗМИРа трудно в курсе быть, что в университете происходит, а тут в одном корпусе работаем, объявление висело, спросить мог. Просто он потому и не пошёл, что его персонально не пригласили, а теперь заявляет, что я тайком прошёл предзащиту. Разослал письма оппонентам с критикой моей работы и предупреждением, что пришлёт отрицательный отзыв. Отзыв, правда, не прислал - пока. (А мы разговаривали с Жорой накануне его защиты).

—- Ну, а оппоненты что?

—- Пудовкин и Иванов-Холодный проигнорировали его критику и своего мнения не изменили. А вот с Шабанским непонятно. Он прислал в Совет положительный отзыв, но после сообщил, что приехать на защиту не сможет. Мне пришлось дополнительного оппонента искать, хорошо, Ораевский (из ИЗМИРАНа) согласился.

—- В день Жориной защиты (она назначена была на после обеда) с утра я бегал по канцеляриям, оформляя получение своего диплома, который мне не хотели выдавать, так как это предполагалось сделать на специальном торжественном заседании Учёного Совета где-то через месяц, но ко мне, в конце концов, снизошли как к иногороднему и диплом выдали.

—- Когда я шёл уже в старое здание НИФИ на защиту, мне встретился Гор Семёнович Иванов-Холодный, который первым делом спросил меня:

—- Вы Хазанова, что, тоже топить приехали?

—- Нет, я приехал поддерживать.

—- Ну, слава Богу!

—- А что, приехал кто-нибудь и топить?

—- Да, Кринберг приехал.

—- Это интересно. Ну, посмотрим.

—- И мы с Гор Семёновичем прошли в БФА. Иванова-Холодного особенно огорчало то, что в своё время он положительно оппонировал Кринбергу, а тот теперь выступает против него как положительного оппонента Хазанова.

—- Жора был в абсолютном трансе. Кринберг мало того, что сам приехал вместе с Кошелевым (из СиБИЗМИРа), а ещё и привёз четыре(!) отрицательных отзыва, которые Жора только что прочитал. Отзывы были от самого Кринберга, а также от его учеников - Власова, Матафонова и Тащилина, кажется, двое из которых не были даже кандидатами наук. Однако, хотя это были отзывы фактически от одной группы единомышленников, работающих вместе, представлены они были от трёх разных организаций (СиБИЗМИР и две разные университетские кафедры) и затрагивали разные аспекты Жориной работы, так что создавалось впечатление многостороннего объективного протеста. Основное содержание этих отзывов сводилось к утверждению, что по фотоэлектронам всё уже до Хазанова сделал Кринберг, в если у Хазанова и есть что новое, так это всё неверно.

—- Как и положено, все эти отзывы были полностью зачитаны учёным секретарём Совета Новиковым, столь же, впрочем, нудно, как и отзыв Фаткуллина на моей защите. Но ещё до того были вопросы к Хазанову сразу же после его доклада. И первым начал задавать вопросы Кринберг:

—- Скажите, пожалуйста, а почему у Вас в формуле (31) на странице 148 под знаком

интеграла в скобках после единицы стоит знак минус, а не плюс... (или там что-то такое другое, не суть важно).

— Жора, конечно, стал лихорадочно вспоминать, что это за формула такая (31) на странице 148, не вспомнил, попросил, чтобы дали диссертацию, начал её перелистывать, время шло, Кринберг спокойно ждал, наслаждаясь этой Жориной растерянностью. В таком стиле задавал он и другие вопросы. И надо признать, отвечал на них Жора просто плохо. Он явно растерялся, был деморализован, начал сильно заикаться (он и обычно слегка заикался, но это не бросалось в глаза). Неважно отвечал он и на вопросы Глеба Ивановича Макарова - председателя Совета, который, как обычно, задавал их в своей петушиной манере, что отнюдь не воодушевляло Жору. Над ним явно сгущались тучи. Когда его перестали мучить вопросами и посадили, Жора был бледен и сосал валидол.

— Спасать его взялись оппоненты. Оба - и Иванов-Холодный, и Пудовкин выступили очень хорошо (третьего, напомним, не было: вместо неприехавшего Шабанского был дополнительный отзыв Ораевского). Оба отдали должное работам Кринберга и умело выделили то новое, что внёс своими работами Хазанов. Особенно убедительно, на мой взгляд, это получилось у Пудовкина, который провёл подробный сравнительный анализ монографий Кринберга и Хазанова. Да и Гор Семёнович говорил ярче и вдохновеннее обычного, как в былые, видать, времена, а то в последнее время он стал выступать как-то очень вяло, рыхло, нудно.

— Но Кринберг тем не менее не унимался и счёл необходимым не только задать вопросы, но и выступить в дополнение к зачитанному уже отзыву, вернее, отзывам. Выступал он внешне вполне корректно, негромким, уверенным голосом, "уличая" Жору в тех или иных математических некорректностях. Разобраться с ходу по существу дела было практически невозможно, ибо ни Жора, ни Кринберг подробных выкладок здесь, разумеется, не делали. Да и защита - не место для таких разбирательств. Здесь всё определяет чисто внешний эффект, и в этом отношении Жора безусловно проигрывал Кринбергу.

— Тот же, при своём внешне корректном тоне, явно передерживал. Например, он упрекал Жору в таком якобы противоречии: Жора, мол, использует условие l/N порядка единицы, где l - длина свободного пробега, N - шкала высот, при котором вообще неприменима гидродинамика, а Жора пользуется гидродинамическими уравнениями. Но Кринберг сам же показывал в своё время, что условия применимости гидродинамического приближения в плазмосфере шире, чем просто $l \ll N$, поскольку N следует заменять большим масштабом типа $V/(\partial V/\partial h)$, где V - геомагнитное поле, h - высота.

— Это меня возмутило, особенно в сочетании со всем предыдущим - привезти четыре отзыва от своих учеников, причём сделать это сознательно в последний момент, чтобы не дать времени Жоре на подготовку ответов, а у Совета вызвать впечатление, что у Жориной работы много разных противников, - всё это было уже настолько непорядочно, что я не сомневался: борьба идёт не за научную истину, а против лично Жоры, которого Кринберг хочет остановить во что бы то ни стало.

— Я не выдержал и кинулся в бой.

— Сначала я высказал своё личное положительное мнение о Жориной работе в целом, полагая, что для этого моей компетенции хватает. А затем перешёл в атаку на Кринберга, точнее, на его методы критики. Высказался по поводу критериев применимости гидродинамики и попросил Совет принять во внимание, что представленные от разных организаций отзывы все написаны членами одной группы, руководимой Кринбергом.

— Мне непонятно, зачем это было сделано в такой форме. Неужели Игорь Августович просто не рискнул положиться на свой личный авторитет и счёл наличие только своей подписи недостаточным? Но и в таком случае можно было бы просто составить коллективный отзыв. А так - это же психическая атака какая-то, извините за резкость. Думаю, что в науке о фотоэлектронах и двум докторам места хватит, не стоит Игорю Августовичу локти расставлять, - заключил я своё выступление.

— Несколько неожиданно для меня оно возбудило Георгия Васильевича Молочнова, заведующего нашей кафедрой физики Земли и заместителя председателя Совета. Он вышел к трибуне и, раскрасневшись от волнения, набросился на Кринберга:

— Некрасиво, некрасиво поступаете! Ехать из Сибири сюда в Ленинград за государственный счёт, чтобы "разоблачать" своего же коллегу, работающего в том же университете! Отчего же Вы там у себя его "не разоблачили"? Вот в документах имеется представление Вашей организации - Иркутского университета, утверждённое ректором. Вы же дезавуируете подпись своего ректора!

— Это последнее обстоятельство, похоже, особенно возмутило Георгия Васильевича.

— Жора же в своём заключительном слове поблагодарил Игоря Августовича "за постоянную критику, которая стимулировала проведение новых исследований".

— В перерыве перед голосованием я подошёл к Кринбергу и Кошелеву, оставив Жору сосать очередную таблетку валидола.

— Что же Вы так некультурно воюете? - спросил я Кринберга. - Отчего в Иркутске всех вопросов не решили?

— Ты, Саша, ни Хазанова не знаешь, ни нашей ситуации. Он всё сделал, чтобы избежать обсуждения там, не пригласил никого на предзащиту.

— А сами не могли придти? Или сюда легче приехать?

— Защита на то и защита, в дискуссии каждый может участвовать, и отзыв может прислать каждый.

— Так-то оно так, да сами не видите разве, что вышло неприлично?

— Мы рассчитывали, что оппоненты на наши письма правильно отреагируют.

— Ну, на это смешно было рассчитывать. Оппоненты подсказок не любят. На то они и оппоненты.

— Вид и у Кринберга, и у Кошелева был всё же растерянный. Выступления моё и Молочнова для них оказались неожиданностью.

— Да, кстати, Игорь Августович, - вспомнил вдруг я про один вопрос, который хотел у него выяснить. - Я слышал, Вы собираетесь Бобарыкину оппонировать, это правда? - До меня, действительно, дошли такие слухи.

— Нет. Меня Осипов просил, но я отказался.

— Перерыв закончился, пригласили заслушать результаты голосования:

— "За - одиннадцать, против - два, недействительных бюллетеней нет."

— После защиты поехали к Пудовкину, у которого был накрыт стол по случаю состоявшейся в этот же день защиты кандидатской диссертации его младшего брата Андрея. Пригласили туда и Жору с женой. Жора, не будучи, по-видимому, стопроцентно уверенным в успехе, никакой пьянки не готовил. У Пудовкина сидел с очумевшим видом, почти не пил и продолжал сосать валидол. Я этим же вечером укатил в Сестрорецк и оттуда уже не вылезал до отъезда домой, несмотря на настойчивые телефонные попытки Жоры и Серёжи Авакяна вытащить меня куда-то в ресторан.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)